

УДК 94 (518)

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович – кандидат исторических наук, доцент; старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazar74@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАУРСКОГО АВТОНОМНОГО ХОШУНА МОРИН-ДАВА В 1958–1984 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и социально-политического развития даурского автономного хошуна Морин-Дава в периоды «большого скачка» и «культурной революции» в КНР. Автор также освещает развитие национальной автономии в годы первого этапа политики реформ и открытости. Особое внимание в работе уделено формированию структурных подразделений районной администрации и национальных кадров.

Ключевые слова: дауры, автономный хошун Морин-Дава, народные коммуны, органы власти, ревком, «культурная революция», национальные кадры, реформы

После образования КНР в 1949 г. Советский Союз начал оказывать новому государству широкую экономическую помощь. Советские специалисты внесли большой вклад в дело модернизации и ввода в эксплуатацию промышленных предприятий, в развитие китайской промышленности. В советско-китайских связях большую роль играли приграничные регионы КНР, где, наряду с собственно ханьским населением, проживали национальные меньшинства. Одними из них были дауры, в 1956 г. официально получившие статус самостоятельного этноса. В 1958 г. хошун Морин-Дава с компактно проживающим даурским населением стал именоваться даурским автономным хошуном Морин-Дава.

Созданию национальной автономии дауров предшествовало обсуждение и продвижение проекта будущего автономного хошуна. Первое собрание хошунного комитета КПК и администрации хошуна Морин-Дава, где был принят проект, состоялось в июле 1957 г. В октябре 1957 г. проект об автономии дауров, прошедший необходимые процедуры одобрения со стороны региональных властей, был направлен в центральное народное правительство. После долгого рассмотрения в мае 1958 г. высший государственный исполнительный орган КНР издал указ об образовании национальной автономии дауров. 15 августа 1958 г. народным советом АРВМ было принято постановление о создании даурского автономного хошуна Морин-Дава [Цыбенков, Юй Шан 2017].

Центральным органом власти стал народный совет автономного хошуна. Он функционировал с августа 1958 г. по май 1966 г. вплоть до начала «культурной революции». Народный совет состоял из 25 подразделений: народное правительство; отдел по контролю за народными делами; отдел народных дел; отдел промышленности; транспортный отдел; сектор кустарной промышленности; отдел земледелия и скотоводства; отдел культуры и образования; отдел здравоохранения; сектор зерновых культур; таможенный отдел; совет по проектам и планам; сектор учета и регистрации; отдел торговли; сектор имущественных отношений; бухгалтерия; сектор радио; жилищный отдел; налоговый отдел; филиал Народного банка в Морин-Дава; сектор электро- и почтовой связи; метеостанция; отдел безопасности; следственный комитет;

судебный комитет. Со временем в структуре администрации происходили изменения [Molidawa... 2007: 70-73].

Право даурского этноса на автономное управление опиралось на работу съездов народных представителей, которые периодически избирали состав народного совета хошуна. Съезд выбирал также делегата на Всекитайское собрание народных представителей (далее – ВСНП). Например, глава автономного хошуна Эрдэнижаб был избран делегатом для участия в ВСНП 3-го созыва (декабрь 1964 – январь 1965 г.). На этом собрании он был избран в Совет национальностей при Постоянном комитете ВСНП.

Появление даурской автономии совпало с началом политики «большого скачка». Еще в начале 1958 г. в КНР появились лозунги «политика – командная сила», «бедность – это хорошо» и ряд других, в которых были видны призывы к «большому скачку». В отчетном докладе Лю Шаоци на 2-й сессии VIII съезда КПК, прошедшей в мае 1958 г., говорилось: «Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономичнее» [История... 2004: 145]. Август 1958 г. ознаменовался не только образованием даурского автономного хошуна, но и созданием народных коммун по всей стране. Соответствующее решение было принято Политбюро ЦК КПК. Народные коммунны основывались на тотальном обобществлении имущества ее членов, в то же время они являлись местными административными и военными структурами [Бондарева 2015: 39]. В даурском автономном хошуне Морин-Дава народные коммунны были созданы в сентябре 1958 г. Всего на территории хошуна появилось 11 народных коммун. Их основой стали 11 деревень, 1 город, 208 сельскохозяйственных кооперативов высшего типа [Zhuoren, Meng Dawei 2008: 61]. Сельское хозяйство стало полностью коллективным, все земельные угодья принадлежали народной коммуне [Qi Hoijun, Cong Jingzhu 2006: 85]. Управление народными коммуннами было возложено на административные органы государственной власти. Руководящим органом народных коммун фактически стала волостная администрация. Таким образом, посредством местных органов власти государство могло принимать участие в организации трудовой деятельности коллективных хозяйств, имело доступ к обобществленным средствам производства. В общественный фонд коммун перешла вся собственность крестьян, включая приусадебные участки, скот, фруктовые насаждения [История... 2004: 192]. «Равное распределение», являвшееся одной из основ народной коммунны, на деле было несправедливым, поскольку в расчет не принимались качество и количество труда. Положение усугублялось невыполнимыми планами, поставленными перед народными коммуннами. Все это привело к угасанию производственного энтузиазма крестьян. К ним добавились 3 года стихийных бедствий. Условия жизни крестьян были крайне тяжелыми [Qi Hoijun, Cong Jingzhu 2006: 85]. Как и во всем Северо-Восточном Китае, в даурских районах, очевидно, проходила кампания за глубокую вспашку земли. Предполагалось, что данный метод обработки почвы приведет к повышению урожайности зерновых, бобовых и других сельскохозяйственных культур в 2 раза. Однако произошло снижение плодородия почвы. Мероприятия и кампании, начатые в период становления народных коммун, отрицательно повлияли на развитие сельского хозяйства [История... 2004: 195]. Население в целом негативно отнеслось и к идее обобществления имущества и средств производства. Мао Цзэдун был осведомлен об этом, и в феврале 1959 г. он выступил с осуждением ошибок, допущенных «крайне левыми».

Начиная с зимы 1960 г. ситуация в даурском автономном хошуне Морин-Дава стала меняться в лучшую сторону [Zhuoren, Meng Dawei 2008: 61-62]. В январе 1961 г. ЦК КПК провозгласил новый курс: «урегулирование, укрепление,

пополнение и повышение». В результате проведения грамотных мер по укреплению народных коммун, включавших разрешение на использование приусадебных участков, владение скотом, открытие сельских рынков, государственную помощь отстающим коммунам, положение дел в сельском хозяйстве постепенно стабилизировалось. Развитие механизации сельского хозяйства наряду с использованием системы производственной ответственности способствовало поднятию уровня жизни крестьянских масс и развитию сельскохозяйственного производства в целом. В 1965 г. в хошуне насчитывалось 17 народных коммун, 140 крупных производственных бригад высшей ступени (*shengchan dadui*), 501 производственная бригада низкой ступени (*shengchan xiaodui*). Ежегодный доход хошуна составил 671 млн 120 тыс. юаней, в то время как ежегодные расходы — 325 млн 410 тыс. юаней. Поскольку в коллективных хозяйствах насчитывалось 76 279 чел., в среднем на одного человека приходилось 36 юаней [Qi Hoijun, Cong Jingzhu 2006: 85]. Необходимо заметить, что в рамках курса на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» активно внедрялась система *сань цзы бао* («три свободы» — свобода продажи излишков продукции на рынке, наделяния крестьян приусадебными участками, создания мелких предприятий и «одно обеспечение» — несение личной ответственности за прибыли и убытки перед коммуной). Сельские кадровые работники разъясняли крестьянам политические установки, положение о трех ступенях собственности в коммуне, возможности ведения личного хозяйства в небольших размерах при преимущественном развитии коллективного [История... 2004: 197].

Начиная с мая 1966 г. на всей территории КНР развернулась «культурная революция», в результате чего партийный комитет и народное правительство автономного хошуна утратили свою власть. Начало было положено в апреле 1967 г. свержением в АРВМ власти монгольского лидера Уланху и введением военного положения на территории автономии [Мажинский 2015]. В декабре 1967 г. под влиянием «Шанхайской революционной бури» группа лиц в даурском автономном хошуне Морин-Дава создала так называемый главный отдел. Развернув борьбу за власть, она захватила 4 основных столпа: партию, власть, право, культуру. Так утратила свою власть администрация хошуна, а вместе с ней — и местные власти 2-го и 3-го уровней. Властные полномочия хошунной администрации перешли к «революционной массовой организации».

После захвата власти были определены три составные части революционного движения: 1) отделение народных вооруженных сил; 2) кадровые работники хошуна (их число было невелико); 3) члены революционной массовой организации. Передовые элементы трех частей составили революционный комитет (далее — ревком). В этот период противостояние двух сторон (старой администрации и ревкома) с каждым днем усиливалось, начались разногласия и внутри ревкома. Военные, представлявшие отделение народных вооруженных сил, вышли из состава ревкома, что в дальнейшем привело к его роспуску. Однако 28 января 1968 г. ревком автономного района Внутренняя Монголия официально основал ревком даурского автономного хошуна Морин-Дава. Упор был сделан на принцип связывания воедино трех сил, для чего состоялось повторное объединение представителей военных, депутатов из числа передовых кадров, делегатов от «революционных масс».

Ревком хошуна, претворяя в жизнь политику единого управления, принял властные полномочия партийной ячейки и народного комитета хошуна. Ревкому подчинялись четыре вновь созданных структурных подразделения: 1) государственный комитет; 2) комитет предприятий промышленности; 3) комитет народной обороны; 4) рабочий совет. В свою очередь, в этих комитетах были сформированы конкретные направления. В течение последующих

месяцев находившиеся в ведении хошуна региональные отделения и пункты были охвачены влиянием «культурной революции», и в них были созданы «кружки руководства». Во всех 17 народных коммунах хошуна были основаны ревкомы. В январе 1972 г. комиссар военного отдела хошуна Гун Хайшан, монгол по национальности, стал председателем руководящей партийной группы ревкома хошуна [Molidawa...2007: 74-75].

Во время «культурной революции» по сфабрикованным делам пострадало много людей, был нанесен мощный удар по национальной автономии. Даурские национальные кадры, как и кадры других национальностей меньшинств, подверглись серьезным гонениям. В ходе «культурной революции» ярко проявились деструктивные тенденции, что видно на примере лозунга: «ликвидация четырех старых» — «старых идей, старой культуры, старых обычаев и старых привычек». Есть мнение, что в большей степени от «культурной революции» пострадали неханьские народы Китая [Буяров 2016: 41]. Были отвергнуты особенности национального образования, ликвидированы недавно созданные органы управления национального образования всех ступеней, была приостановлена работа национальных вузов и начальных и средних школ, или они были закрыты [Су Сяохуань 2002: 114]. Как известно, этот период также ознаменовался передачей ряда районов Внутренней Монголии в состав провинций Северо-Восточного Китая. Отделение части территории АРВМ было тяжкой потерей, повлекшей за собой снижение численности населения на 600 тыс. чел. [Цыремпилова 2017: 155]. Так, в 1969 г. даурский автономный хошун Морин-Дава был причислен к району Большой Хинган провинции Хэйлуцзян. Возвращение хошуна Морин-Дава в состав Хулун-Буирского аймака АРВМ состоялось лишь в 1979 г. [Qi Hoijun, Cong Jingzhu 2006: 69].

В октябре—декабре 1976 г. ЦК КПК и Центральное народное правительство осудили ошибки, допущенные «левыми радикалами» во главе с так называемой бандой четырех (Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь). В регионах КНР также началась чистка руководящих органов от сторонников леворадикального курса. В то же время руководство страны приняло решение о реабилитации лиц, подвергнутых гонениям по ложным обвинениям. В 1979 г. партком даурского автономного хошуна Морин-Дава подал в комитет КПК АРВМ решение о реабилитации лиц даурского автономного хошуна Морин-Дава, незаконно подвергавшихся гонениям в годы «культурной революции». В июне 1980 г. в хошуне был проведен съезд, на котором было официально объявлено о реабилитации более 6 тыс. чел., проходивших по 40 сфабрикованным делам [Morindabaγa...1988: 88]. В марте—апреле 1981 г. в 20 народных коммунах хошуна были упразднены ревкомы, и вместо них были созданы советы, замещающие ревкомы. В административном центре хошуна г. Нирги было основано народное правительство. В октябре 1981 г. по решению вышестоящих инстанций ревком автономного хошуна был упразднен, и вместо него было основано народное правительство даурского автономного хошуна Морин-Дава. Оно просуществовало до декабря 1994 г., когда было проведено очередное реформирование администрации. Народное правительство с октября 1981 по декабрь 1994 г. состояло из 32 структурных подразделений, включавших народное правительство, плановый отдел, сектор учета и регистрации, отдел контроля и надзора, отдел хозяйства, бюро справок, научный сектор, отдел экономики и др. [Molidawa...2007: 81]. По данным на июнь 1980 г., в хошуне всего насчитывалось 2 928 кадровых работников, из них дауров — 1 032 чел., или 35% их общей численности. В то же время даурские национальные кадры составляли 4,6% всего даурского населения. В партийных организациях хошуна даурские национальные кадры занимали 48,7%, в органах власти

хошуна — 40,8%. В 25 основных населенных пунктах хошуна на должностях руководителей находились 14 представителей даурской национальности. Из 403 руководителей отделений 155 чел. были кадровыми работниками из числа дауров. Среди 536 кадровых работников с гуманитарным и техническим образованием 175 чел. были даурами. В числе постоянных членов ЦК КПК даурского автономного хошуна Морин-Дава было 7 дауров и 6 китайцев. В постоянном комитете собрания народных представителей хошуна, состоящем из 7 членов, 5 чел. были даурами. Из 8 хошунных глав и их заместителей дауров было 4 чел., китайцев — 3 чел., эвенков — 1 чел. В 1981 г. состоялся съезд партийных делегатов хошуна, в 1982 г. — съезд народных представителей хошуна, на которых были избраны председатели парткома КПК даурского автономного хошуна Морин-Дава Амгулан и глава хошуна Тун Чин. Оба являлись даурскими национальными кадрами. В целом в этот период численность национальных кадров (*ганьбу*) из национальных меньшинств в АРВМ значительно увеличилась, что было отмечено в августе 1984 г. в газете «Жэньминь Жибао» [Цыремпилова 2017: 157].

Не все даурские национальные кадры работали на территории хошуна. С 1948 по 1982 г. за пределы хошуна выехали более 400 чел. из числа национальных кадров, включая преподавателей, инженеров, специалистов с техническим образованием. Они в основном работали в других хошунах и аймаках АРВМ, небольшая часть их — в провинциях и центральных городах Китая, включая Пекин [Morindabaҗa...1988: 88-90].

После третьего пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.) в КНР началась масштабная экономическая реформа. Большую роль в начале реформирования сельского хозяйства сыграли решения парткомов провинции Аньхой «Шесть пунктов провинциального комитета» (ноябрь 1977 г.), провинции Сычуань «Постановления о некоторых важных вопросах современной аграрной политики» (февраль 1978 г.). Вслед за ними весной 1978 г. ЦК КПК опубликовал два документа — «Доклад о правильном проведении линии партии и всемерном облегчении бремени крестьян» и «Доклад о результатах обследования волонтаристских распоряжений, нарушениях законности и дисциплины со стороны небольшого числа кадровых работников в уезде Сюньи провинции Шэньси». В докладах акцент был сделан на хозяйственную самостоятельность бригад [История... 2013: 47-50].

В 1980 г. село Халличен даурского автономного района Морин-Дава было выбрано в качестве испытательной площадки для исполнения «дворовыми хозяйствами обязательства по сбору урожая по намеченному плану», что дало хороший эффект. Далее в ряде селений даурского автономного хошуна Морин-Дава началось использование опыта «закрепления производственных заданий за отдельными крестьянскими дворами». В 1981 г. в хошуне 65% производственных бригад использовали наряду с коллективным и семейный подряд. Оба подряда также применяли 85% крестьянских дворов. Выгода семейной подрядной ответственности, при которой оплата труда зависела от его результатов, стала очевидной, и наметились видимые улучшения. Со временем большие и малые производственные бригады стали распадаться. Наблюдалась нехватка финансовых средств и техники [Qi Hoijun, Cong Jingzhu 2006: 85-86].

Дауры, как и другие этносы Китая, прошли через горнило социально-политических и экономических экспериментов второй половины XX в. Даурский автономный хошун Морин-Дава, будучи аграрным регионом, испытал на себе тяжесть политики коммунизации. Население района, как и по стране в целом, пострадало от мероприятий, проводимых в рамках «культурной революции». Тем не менее в годы «реформ и открытости» появилась и стала крепнуть надежда

на улучшение социально-политической ситуации и экономическое развитие национальной автономии дауров.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

Список литературы

Бондарева В.В. 2015. Китай в первое послереволюционное десятилетие (1950-е гг.): основные проблемы и противоречия. — *Альманах современной науки и образования*. Тамбов: Грамота. № 9(99). С. 36-41.

Буюров Д.В. 2016. Национальная политика Китая в конце 1950-х — конце 1970-х гг. — *Историческая и социально-образовательная мысль*. Т. 8. № 1. С. 39-43.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. IX. *Реформы и модернизация (1976–2009)*. 2013. М.: Наука. 996 с.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 3. *Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг.* 2004. Владивосток: Дальнаука. 344 с.

Мажинский С.В. 2015. Центральное правительство Китая и автономный район Внутренняя Монголия в 1966–1969 гг.: от диалога к политической борьбе. — *Вестник Томского государственного университета*. № 401. С. 139-144.

Су Сяохуань. 2002. *Образование в Китае. Реформы и новшества*. Пекин: Межконтинентальное изд-во Китая. 191 с.

Цыбенков Б.Д., Юй Шан. 2017. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) — *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. История. Т. 22. С. 113-123.

Цыремпилова В.Э. 2017. Автономный район Внутренняя Монголия конца 1970-х — начала 1990-х гг. в официальной китайской прессе (на материалах газеты «Жэньминь Жибао») — *Власть*. № 4. С. 155-159.

Molidawa dawuerzu zizhiti gaikuang [Краткий очерк даурского автономного хошуна Морин-Дава]. 2007. Minzu chubanshe. 253 p.

Morindabaᠭa daᠭur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qoşıyün-u toyimu bayidal [Обзорное даурского автономного района Морин-Дава]. 1988. Hohhot: Obor Mongyol-un arad-un keblel-un horig-a. 269 p.

Qi Hoijun, Cong Jingzhu. 2006. *Chuantong yu xiandai: dawuerzu nongmin shenghuo [Традиции и современность: условия жизни даурских крестьян]*. Beijing: Zhongyang minzu daxue chubanshe. 289 p.

Zhuoren, Meng Dawei. 2008. *Molidawa dawuerzu zizhiti zhi (1993–2005 nian) [Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава (1993-2005 гг.)]*. Neimenggu wenhua chubanshe. 1028 p.

TSYBENOV Bazar Dogsonovich, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor; Senior Researcher at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; bazar75@mail.ru)

SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF THE MORIN-DAWA DAUR AUTONOMOUS REGION IN 1958–1984

Abstract. The article studies the features of formation and socio-political development of the Morin-Dawa Daur Autonomous Region during the «big jump» and «cultural revolution» in China. The author explores the development of national autonomy

during the first phase of the policy of reform and openness. The article analyzes the formation of the district administration and national staff.

Keywords: Daur, Morin-Dawa Daur Autonomous Region, people's communes, authorities, revolutionary committee, «cultural revolution», national staff, reforms

ШАПОШНИКОВ Александр Андреевич – аспирант Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; sv.ustinkin@gmail.com)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК РСФСР-СССР-РФ (1918–2018 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются методологические и историографические проблемы изучения деятельности внутренних войск в дореволюционный, советский и постсоветский периоды отечественной истории. Несмотря на обилие литературы, освещающей деятельность силовых структур в СССР и современной России, особенности организационного строительства, комплектования, подготовки командных и политических кадров, совершенствования управления, боевого применения, организационно-пропагандистской и культурно-просветительской работы, укрепления дисциплины и правового воспитания во внутренних войсках требуют переосмысления и дальнейшего изучения.

Ключевые слова: войска ВЧК, войска ВОХР, войска ВНУС, Внутренние войска МВД РФ, Федеральная служба войск национальной гвардии РФ

Внутренние войска РФ имеют долгую историю. Специалисты разного профиля – историки, политологи, социологи, правоведы – достаточно активно работают сегодня над изучением истории организационного строительства, различных аспектов служебно-боевой деятельности, над обобщением опыта руководства внутренними войсками, раскрытием закономерностей и тенденций их трансформации и развития, повышением эффективности обеспечения национальной безопасности от современных внутренних и внешних угроз.

Вместе с тем многие аспекты многогранной деятельности внутренних войск на различных этапах отечественной истории остаются малоисследованными [История внутренних... 2013: 3-14]. Более того, порой история внутренних войск на различных стадиях их организационного строительства и осуществления служебно-боевой деятельности излагается односторонне, с отступлением от принципов объективности и историзма. Например, признавая значительный вклад внутренних войск в победу РКП(б) над российской контрреволюцией в первые годы советской власти, часть отечественных и зарубежных обществоведов акцентируют внимание на роли войск ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД в развязывании «красного террора», политики расказачивания, раскулачивания, подавления крестьянских восстаний против продразверстки, осуществлении массовых репрессий против всех реальных и потенциальных противников большевиков [Роговин 1993: 8; Бушуева, Колодникова, Устинкин 2017: 125-133]. Между тем сводить всю многогранную деятельность внутренних войск только к террору и репрессиям, которые, безусловно, были, по меньшей мере некорректно [Устинкин 1995: 5-25; Мозохин 2004: 5-9]. При таком одностороннем подходе к изучению внутренних войск остаются в стороне такие важные направления их государственно-организующей работы, как борьба с разрухой, восстановление общественного порядка, борьба с бандитизмом, охрана путей сообщения, важных государственных сооружений и предприятий, перевозимых грузов,